

Геннадий Зельдович
Warszawa, Uniwersytet Warszawski

**ЛИРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И КОММУНИКАТИВНАЯ
СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ:
СТИХОТВОРЕНИЕ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА
«СЕСТРЫ – ТЯЖЕСТЬ И НЕЖНОСТЬ, ОДИНАКОВЫ
ВАШИ ПРИМЕТЫ»**

**Lyrical Text and Sentence Information Structure. O. Mandelstam's Poem
"Sisters – Heaviness and Tenderness, Your Signs Are the Same"**

ABSTRACT: The paper demonstrates that, along with its standard function of linking the relevant utterance to the context, information structure (whose main parameters are assumed to be the theme-rheme division, given-new division, and direct VS inverted word order contrasts) may also fulfil a more intricate role within lyrical texts. The function of information structure may be extended to mark the inner discourse hierarchization of a poem, i.e. its division into the backgrounded part, where some experience open to the lyrical hero is presented, and the foregrounded, 'wisdom' part, where the discovery of some important, mostly general truth is made. This is shown with reference to a famous poem by O. Mandelstam. The final conclusion is that in general the true functions of information structure stretch far beyond what is claimed in standard, 'non-poetically-oriented' literature on information structure.

KEYWORDS: word order, inversion, lyrical text, foreground, background, O. Mandelstam.

1. Предисловие

Как хорошо известно, той или иной коммуникативной структурой предложение обладает в первую очередь ради того, чтобы «согласоваться» с контекстным окружением¹. Говоря до предела упрощенно, тема обычно несет известную информацию, а рема – информацию новую и вместе с тем такую, которая на

¹ См., например: О. Йокояма, *Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов*, Москва 2005; N. Erteschik-Shir, *Information Structure*, Oxford 2007.

привилегированных началах участвует в оформлении аргументативной структуры дальнейшего текста: именно содержание рематических фрагментов способно наиболее очевидным образом вступать с сообщаемым далее в причинно-следственные связи².

Хорошо известно и то, что в лирической поэзии коммуникативная структура предложения часто строится по своим, особым законам. Например, тут сплошь и рядом – особенно в начале стихотворения – темой оказывается «идея» настолько неожиданная, не угадываемая наперед из наших общих представлений о мире и природе лирического жанра, что интерпретация текста требует огромных мыслительных затрат, на какие мы почти никогда вполне не согласимся, имея дело с произведением нелирическим.

Другой, еще более повсеместной вольностью, которую разрешает себе лирика, является чрезвычайно свободный, «скрэмлированный» и практически невысказанный в иных письменных жанрах словопорядок. О том, почему он допустим и чему служит, см. ниже.

Есть, однако, причины думать, что подобными более или менее очевидными особенностями самобытность коммуникативной структуры в лирических текстах отнюдь не исчерпывается.

Начнем с того, что едва ли не каждое языковое средство лирика способна привлекать к выполнению изначально ему не свойственной содержательной функции. В первую очередь это касается средств, так сказать, системных – тех, которые востребуются нашей речью постоянно. Например, дискурсивные связи, возникающие между предложениями, в лирике служат не только их «каноническому» смысловому соотношению (соотношению двух предложений как сообщающих разную информацию об одном и том же событии, как сообщающих о последовательных событиях, сообщающих о причине и следствии и т. д.)³, но также нередко создают особые иконические либо квазииконические эффекты, как бы на ином, глубинном уровне давая схематизированную параллель к прямому содержанию сказанного⁴.

Особенно разнообразны те механизмы, которыми лирический текст пользуется, чтобы разграничить свой первый и второй дискурсивные планы.

По жанровой природе лирическое произведение распадается на две части: ту, в которой представлен некоторый переживаемый автором (точнее, лирическим субъектом, но мы ради простоты будем использовать слово «автор») опыт, и ту, где опыт этот трансцендируется, где автор приходит к важным обобщениям и/или существенным образом меняются его взаимоотношения с миром и самим собой⁵.

² Об аргументативности см.: O. Ducrot, *Dire et ne pas dire*, Paris 1972; O. Ducrot, *Les échelles argumentatives*, Paris 1980.

³ См. особенно: N. Asher, A. Lascarides, *Logics of Conversation*, Cambridge 2003; E. Jasinskaja, *Pragmatics and Prosody of Implicit Discourse Relations, Dissertation*, Tübingen 2009.

⁴ Г.М. Зельдович, *О дискурсивных отношениях в лирической поэзии*, Вена 2016.

⁵ Т.И. Сильман, *Заметки о лирике*, Ленинград 1977.

Эмпирическая часть очевидно подчинена трансцендентной («фокусной») и потому становится вторым планом лирического дискурса, а трансцендентная – первым. Различие между ними систематически маркируется и количеством и/или качественным разнообразием их дискурсивных связей, и аспектуально-темпоральными контрастами, и особым выбором номинаций в фокусе (тут часто уже не действует общее правило, согласно которому из ряда доступных номинаций наподобие «полное имя – сокращенное имя – местоимение – синтаксический ноль» надо по возможности предпочитать наиболее экономную)⁶, и – обычно косвенными – указаниями на интровертную ориентацию авторского сознания в фокусе, как бы замкнутость этого сознания на себя самое, и появлением в фокусе изысканного иконизма, и происходящим в фокусе возвратом к тому или иному языковому канону, который был нарушен в эмпирических фрагментах, и т. д., и т. д.⁷

Помимо подобных общих соображений, считать, что коммуникативная структура предложения может выполнять в лирике особую, не сразу заметную композиционно-организующую роль, разумно и по другой, уже совершенно конкретной причине. Показано, что по крайней мере один тип синтаксической инверсии в фокусе встречается значительно чаще, нежели в эмпирических фрагментах стихотворения⁸.

Здесь мы хотим представить свидетельство тому, что **корреляция между, с одной стороны, внутренним разделением лирических текстов на главный и неглавный дискурсивный планы и, с другой стороны, особенностями коммуникативной структуры отдельных предложений может обретать гораздо более изысканные и открывающиеся лишь тщательному анализу формы.** Говоря более конкретно, фокус может быть маркирован не просто присутствием в нем инверсий определенного рода, но особыми, более тонкими **свойствами** этих инверсий и их сложным соотношением с инверсиями, появляющимися в эмпирической части текста.

Такой результат расширяет наши знания и о функциях, возложенных на коммуникативную структуру в лирическом произведении, и об общих механизмах внутренней иерархизации дискурса, изучение которых, имея уже до-

⁶ См. о названном правиле: M. Ariel, *Referring and Accessibility*, "Journal of Linguistics" 1988, vol. 24, p. 65-87; M. Ariel, *Accessibility Marking: Discourse Functions, Discourse Profiles, and Processing Cues*, "Discourse Processes" 2004, vol. 37, № 2, p. 91-116.

⁷ См. подробно: Г.М. Зельдович, *Дискурсивная перспектива в лирической поэзии: Опыт жанровой грамматики*, Warszawa 2021.

⁸ Г.М. Зельдович, *Словопорядок и композиция лирического текста*, „Slavia Orientalis” 2019, t. LXVIII, nr 2, с. 365-378; Г.М. Зельдович, *Дискурсивная перспектива в лирической поэзии: Опыт жанровой грамматики*, Warszawa 2021, с. 311-328.

Поскольку инверсия, как правило, добавляет к смыслу предложения нечто новое, здесь только что упомянутое стремление фокуса к большей информативности тоже, конечно же, себя обнаруживает.

статочно давнюю традицию, по-прежнему принадлежит к насущным задачам лингвистики⁹.

При этом наша исходная установка, что в лирическом стихотворении важные особенности композиции могут проецироваться на вполне определенный, хорошо отграничиваемый от прочих уровень языковой структуры, получает свое подтверждение в многочисленных классических разборах, прежде всего разборах, предложенных Романом Якобсоном и Клодом Леви-Строссом¹⁰.

Для анализа было взято признанное шедевром стихотворение Осипа Э. Мандельштама «*Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы*».

* * *

Однако прежде, чем к анализу приступить, нужно кратко сказать о важнейших для нас параметрах коммуникативной структуры¹¹.

Во-первых, всякое предложение содержит тему и рему. Дело не меняется оттого, что тема способна оставаться имплицитной, ибо даже у коммуникативно нерасчлененных предложений семантическая тема несомненно есть¹².

Во-вторых, появляющаяся в предложении информация может быть как данной, известной, так и новой, причем для темы канонична данность, для ремы же новизна – а нарушения этого правила делают тему и/или рему маркированными.

В-третьих, в каждом конкретном контексте русское предложение имеет свой немаркированный, канонический словопорядок. Действующие тут законы весьма сложны, но в наибольшей степени его определяют относительная инфор-

⁹ См. хотя бы посвященные главным образом нарративному тексту классические работы: P. Hopper, *Aspect and Foregrounding in Discourse*, [in:] *Discourse and Syntax. Syntax and Semantics*, ed. by T. Givón, vol. 12, New York, etc. 1979, p. 213-241; P. Hopper, S. Thompson, *Transitivity in Grammar and Discourse*, "Language" 1980, vol. 56, № 2, p. 251-299; *Studies in Transitivity. Syntax and Semantics*, ed. by P. Hopper, S. Thompson, vol. 15, New York, etc. 1982; R. Longacre, *The Grammar of Discourse*, New York 1992; S. Fleischman, *Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction*, Austin 1990.

¹⁰ См., например: Р.О. Якобсон, *Лингвистика и поэтика*, [в:] *Структурализм: «за» и «против»*, Москва 1975, с. 193-230; Р.О. Якобсон, *Грамматический параллелизм и его русские аспекты*, [в:] *Структурализм: «за» и «против»*, Москва 1975, с. 99-132; Р.О. Якобсон, *Вопросы поэтики. Постскриптум к одноименной книге*, [в:] Р.О. Якобсон, *Работы по поэтике*, Москва 1987, с. 80-98; Р.О. Якобсон, К. Леви-Стросс, «*Кошки*» Шарля Бодлера, [в:] *Структурализм: «за» и «против»*, Москва 1975, с. 231-255.

¹¹ Среди называемых ниже параметров не фигурирует интонация; ее огромная роль в оформлении коммуникативной структуры несомненна, но предметом специального внимания в нашем разборе она не станет.

¹² См., например: G. Jaeger, *Topic-Comment Structure and the Contrast between Stage Level and Individual Level Predicates*, "Journal of Semantics" 2001, vol. 18, p. 83-126. Сверх этого, существуют не тематические и одновременно не рематические компоненты предложений (см., в частности: E. Vallduví, *The Informational Component*, New York, London 1992; M. Dyakonova, *A Phase-Based Approach to Russian Free Word Order*, Utrecht 2009), но ниже этим можно пренебречь.

мативная ценность соответствующих единиц (в русском утвердительном предложении очень сильна тенденция тему располагать перед ремой; тему более низкого порядка перед темой более высокого; «промежуточную», так сказать, не окончательную рему – перед ремой главной), эмпатия к тому или иному референту (такой референт часто фронтится) и, если данные факторы почему-либо нейтрализованы, уже собственно грамматико-семантический принцип, предписывающий имя агенса, экспериенцера или иного сходного с агенсом участника ситуации помещать перед глаголом, а имя пациентивного участника – после него¹³.

В-четвертых, иногда рема подвергается фронтированию, то есть переносу из наиболее канонической для нее финальной позиции в начало или середину предложения. Фронтирование может преследовать две совершенно разных цели: эмфатизировать содержание ремы или же, наоборот, просигнализировать, что рема сообщает о чем-то уже хотя бы отчасти знакомом либо за таковое принятом¹⁴.

Так, фраза

(1) Дикая ярость охватила Якова (здесь и ниже подчеркнута рема; каноническим был бы словопорядок Якова охватила дикая ярость)¹⁵

может быть употреблена, с одной стороны, тогда, когда автор хочет придать ей особую экспрессию и подчеркнуть внезапность, непредсказуемость гнева, с другой же стороны – и отчасти парадоксальным образом – также в случае, если предтекст указывал/намекал на этого гнева закономерность или же она явствует из внеположных тексту обстоятельств, например, из исповедуемых говорящим и, как он думает, разделяемых адресатом общих представлений о мире (в определенных и как раз наличных в соответствующий момент обстоятельствах человек обычно впадает в ярость; Яков от природы гневлив и т. п.).

Аналогичным образом, фраза

(2) Запахом осени наполнилась комната (каноническим был бы словопорядок Комната наполнилась запахом осени)¹⁶

уместна как при условии, что появление осеннего запаха оказалось сюрпризом, так и в ситуации, когда оно было в той или иной степени предсказуемо загодя.

Как видим, хотя безусловно не единственная, но и определенно важная функция инвертированной ремы заключается в установлении так называемых дискурсивных связей (*discourse links*), то есть содержательных ассоциаций с более ранними фрагментами данного текста или с актуальной внеязыковой ситуацией. Иногда – особенно же в поэзии – подобное дискурсивное связывание приобретает весьма свободные формы и может затрагивать некий воображае-

¹³ См. особенно: О. Йокояма, *op. cit.*

¹⁴ См.: М. Дуаконова, *op. cit.* с дальнейшей литературой.

¹⁵ Пример из: Е.В. Падучева, *Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка)*, [в:] *Архитектура клаузы в параметрических моделях. Синтаксис, информационная структура, порядок слов*, Москва 2016, с. 35.

¹⁶ Там же, с. 36.

мый, фиктивный текст, который темпорально и логически как бы предшествует тексту, материально явленному¹⁷.

По мысли Марины Дьяконовой, служащая дискурсивному связыванию инверсия ремы характерна главным образом для разговорного языка¹⁸. Этот постулат, однако, нуждается в двух оговорках.

Одна, предельно очевидная, состоит в том, что колоссальное количество подобных примеров встречается и в речи художественной.

Другое, и принципиального веса, уточнение таково, что частое инвертирование рем ради установления дискурсивных связей можно объяснить более общими свойственными разговорной речи особенностями.

Во-первых, в разговорной речи коммуникативная структура непосредственным образом проявляется с помощью интонации, а этим интересующие нас перестановки существенно облегчаются.

Во-вторых, как правило разговорная речь предполагает куда большую, нежели письменная, когнитивную близость между говорящим и адресатом, больший объем разделяемого ими знания о ситуации и, разумеется, больший объем доступного каждому знания о текущем ментальном состоянии второго коммуниканта – благодаря же этому и дискурсивное связывание становится менее «затратным», и потребность в нем возрастает.

В-третьих, если даже адресату бывает не известным то, что говорящий, инвертируя рему, выдает за таковое, то есть если говорящий прибегает к так называемой импозиции, навязыванию своей когнитивной установки, то как раз для разговорной речи импозитивность исключительно характерна¹⁹.

Наконец, особенно облегчается в разговорной речи инвертирование рем благодаря тому, что здесь очень эластичны, обычно не определены ясно границы каждого отдельного текста (скажем, в речи близких людей повсеместны аллюзии не только к их вчерашней или позавчерашней беседе, но иногда и к беседе месячной, годичной, даже многолетней давности) и это дает говорящему особые права на глубокие ретроспекции.

¹⁷ Дискурсивное связывание, какое способна обеспечивать инвертированная рема, недопустимо путать с дискурсивными (текстовыми) связями (нарративной, пояснительной, детализационной и проч.), постулируемыми в современных теориях дискурса. В первом случае речь идет о повторном обращении к прагматически уже активированной сущности, во втором – о (часто имплицитном) включающем предикате вроде '(A), и потом (B)', '(A), потому что (B)' и т. п., специфицирующем содержательные отношения между двумя пропозициями. Там, где отсутствует дискурсивное связывание в первом смысле термина, текст способен оставаться когерентным, наличие же названного типа предикатов в состоящем более чем из одной пропозиции тексте совершенно необходимо.

¹⁸ М. Дьяконова, *op. cit.*

¹⁹ См. подробнее названную книгу О. Йокоямы. Есть причины думать, что в разных языках разговорная речь налагает свои индивидуальные ограничения на введение импозитивной информации и что вместе с тем русский язык отличается в данном плане чрезвычайным либерализмом; см. особенно: О. Йокояма, *op. cit.*, с. 325-326.

Как видим, широкое использование фронтированных рем для дискурсивного связывания в разговорной речи – эпифеноменально, вторично по отношению к иным и уже основополагающим ее особенностям.

Вместе с тем, подобные же особенности есть и у речи лирической. Не исключая и даже скорее требуя письменного фиксирования, изначально она все-таки предназначена к декламации. Здесь тоже устанавливается особая когнитивная близость между автором и читателем/слушателем, который в определенном смысле готов стать *alter ego* автора и который обычно с готовностью следует за авторским словом, разделяя все авторские представления о соответствующем возможном мире: предполагая существование в нем всех предположенных автором референтов, принимая авторскую точку зрения на описываемое, авторские оценки и т. д.²⁰. Наконец, и границы лирического произведения в общем случае куда менее определены, нежели у письменных произведений, относящихся к другим жанрам; здесь играют свою роль и особенно важные именно в поэзии интертекстуальные эффекты, и то, что даже когда трудно говорить об интертекстуальности, все равно в идеале при интерпретации отдельного стихотворения контекстом должно служить все творчество поэта (сошлемся на известное замечание Сергея С. Аверинцева, сделанное в связи с его работой над переводами из Германа Гессе), и то, сколь многие стихотворения недвусмысленно строятся как прямое, непосредственное продолжение какого-то уже прежде начатого текста (ср. хотя бы зачин у Александра С. Кушнера: «Потому и порядок такой на столе, / Чтобы оползень жизни сдержать»); этот прием чрезвычайно част и у О.Э. Мандельштама).

Отсюда следует, что и в лирике, где фронтирование рем ради установления текстовых связей происходит весьма часто, данного типа инверсия скорее всего также эпифеноменальна и может анализироваться не как исключительная и таинственная в своих функциях принадлежность поэтического текста, но на равных правах с подобной инверсией в других жанрах.

Обратимся теперь к мандельштамовскому тексту.

2. Словопорядок и внутренняя иерархизация лирического текста: стихотворение О.Э. Мандельштама «Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы»

1.

Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы.

Медуницы и осы тяжелую розу сосут.

Человек умирает. Песок остывает согретый,

И вчерашнее солнце на черных носилках несут.

²⁰ См., в частности: Т.И. Сильман, *Заметки о лирике*, Ленинград 1977, с. 37-45; Ю.И. Левин, *Избранные труды*, Москва 1998, с. 466-467 и др.

2.

Ах, тяжелые соты и нежные сети!
 Легче камень поднять, чем имя твое повторить.
 У меня остается одна забота на свете:
 Золотая забота, как времени бремя избыть.

3.

Словно темную воду, я пью помутившийся воздух.
 Время вспахано плугом, и роза землю была.
 В медленном водовороте тяжелые нежные розы,
 Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела²¹.

Рассмотрим инверсии, которыми затронуты в этом тексте рематические части предложений.

В нормальном случае если мы хотим сказать, одинаковы или не одинаковы какие-то приметы (свойства) двух сущностей, то слово (**не**) **одинаковы** должно занять во фразе финальную позицию; ср. **Интересующие нас свойства этих двух чисел одинаковы; Свойства двух этих красок совершенно одинаковы.** Фронтирование же слова (**не**) **одинаковы** – такое, как, например, в **Одинаковы интересующие нас свойства этих двух чисел, в Одинаковы свойства двух этих красок**, – обычно заставляет предполагать, что вопрос об одинаковости или неодинаковости уже был раньше задан либо с высокой вероятностью задаваться мог. Поэтому инверсия ремы в первой строке стихотворения практически наверняка указывает на связь с неким предупоминанием пропозиции ‘ваши приметы одинаковы’, только предупоминание это, конечно, не действительное, а, так сказать, виртуальное: оно как бы порождено авторским сознанием еще прежде, нежели последнее создало данный текст²².

Во второй строке тоже есть инверсия обсуждаемого типа, ибо, с одной стороны, фрагмент **тяжелую розу** является частью ремы, с другой же, семантически это объект и его каноническое место – после глагола, а не перед ним. И вновь-таки, наиболее вероятная причина такого фронтирования состоит в подразумеваемой тут предугадываемости **тяжелой розы**; ср., например, такие тексты (принимается, что главное фразовое ударение падает на название цветка):

- (1) а. Пчела опыляет розу;
 б. Пчела розу опыляет.
- (2) а. Пчела опыляет орхидею;
 б. [?] Пчела орхидею опыляет.

²¹ Стихотворение приводится по изданию: О.Э. Мандельштам, *Полное собрание сочинений и писем в трех томах*. Том 1. *Стихотворения*, Москва 2009.

²² Вот важная декларация Ольги Йокоямы: «Высказывание, опирающееся на импозиционное размещение знания, не является истинно инициальным, хотя чисто физически оно может быть первым речевым событием в дискурсе: дело в том, что с субъективной односторонней точки зрения говорящего подобное высказывание обычно зарождается как продолжение ранее начатого дискурса» (О. Йокояма, *op. cit.*, с. 191).

- (3) а. Пчела опыляет кэмпион;
 б. ?? Пчела кэмпион опыляет.

Если нет особой контекстной поддержки, то чем более редкий цветок называется, тем труднее сместить его имя в предглагольную позицию. При этом понятно, что у О.Э. Мандельштама «угадывается» **тяжелая роза** скорее всего не из упоминания о **медуницах и осах**, вообще-то собирающих нектар с огромного числа разных цветков, а из каких-то внеположных и «предшествующих» данному тексту обстоятельств, которыми способны быть либо подразумеваемый, но не овеществленный в стихотворении авторский дискурс, либо также подразумеваемая, но не получающая прямой характеристики релевантная внеязыковая ситуация.

Начало третьей строки, «Человек умирает», допускает двоякое понимание: можно принять, что подлежащее **человек** обладает референциальной определенностью, по крайней мере определенностью для автора, и является темой, и можно считать это предложение коммуникативно нерасчлененным. Во втором случае **человек** – уже часть ремы. Вопрос, надо ли здесь усматривать инверсию, весьма сложен, ибо в тетических конструкциях данного типа, по всей видимости, на нейтральный статус вообще-то может претендовать не только слопорядок VS, но и SV.²³ Вместе с тем, с интуитивной точки зрения, порядок VS все же кажется чуть более естественным, и видеть здесь инверсию все-таки в какой-то степени приемлемо. Разумеется, при этом допущении ее присутствие надо связывать с ретроспективной в оговоренном смысле ориентацией сказанного²⁴. Именно ввиду последней подобные фразы, предположи мы для них нерасчлененную коммуникативную структуру, окажутся тем хуже, чем более необычен, неожидан их субъект; ср.:

- (4) а. [Посмотри вон туда.] Человек умирает;
 б. [Посмотри вон туда.] Собака умирает;
 в. [Посмотри вон туда.] ? Оцелот умирает (со словопорядком VS, **Умирает оцелот**, конструкция становится более удачной);
 г. [Посмотри вон туда.] ? Капибара умирает (при словопорядке VS, **Умирает капибара**, конструкция также в приемлемости выигрывает).

Таким образом, верно следующее: если у О.Э. Мандельштама предложение «Человек умирает» прочесть как тетическое и усмотреть в нем инвертированную рему – что не обязательно, но также и не исключено, – то инверсия скорее всего призвана связать его с предтекстом, – причем, как легко видеть, не с предтекстом, физически явленным в первой-второй строках стихотворения, но предтекстом, который в объясненном выше смысле «виртуален».

²³ А.В. Циммерлинг, *Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно-нерасчлененные предложения в русском языке*, [в:] *Архитектура клаузы в параметрических моделях. Синтаксис, информационная структура, порядок слов*, Москва 2016, с. 76-103.

²⁴ С этим обстоятельством, наверное, и связано восприятие варианта SV как чуть-чуть более маркированного, ибо в идеале нерасчлененное предложение зависит от контекста минимально.

Что касается второй части третьей строки, «Песок остывает согретый», то и ее коммуникативное устройство допускает двойственную трактовку. Можно считать **согретый песок** темой, а можно – и эта интерпретация определенно более естественна – видеть здесь коммуникативно нерасчлененное, на поверхностном уровне целиком рематическое предложение. Во втором случае каноническим явно был бы словопорядок **Остывает согретый песок**, а вынесением **песка** в начальную позицию создается эффект, сходный с только что описанным.

Чтобы в этом убедиться, вспомним, что всякое тетическое предложение сообщает об определенном времени и месте²⁵. Поэтому хорошей аналогией к приведенной конструкции могут быть конструкции вроде **На печке суп остывает нагретый**. С другой стороны, какой-то относительно неожиданный, с трудом предугадываемый субъект легко допустим здесь при отсутствии инверсии, но когда инверсия интересующего нас типа появляется, он создает ощутимую неловкость. Скажем, наличие на печке **супа** вполне естественно, а наличие **олова** уже гораздо труднее согласуется с нашими стереотипами; поэтому ниже, в примерах (5-6), фразы без инверсий обе хороши (примеры (а-б)), фраза же с инверсией безоговорочно приемлема только для **супа** (примеры (в)), а в случае с **оловом** она странновата и определенно требует особого контекста, который **олову** его «предсказуемость» как раз бы и обеспечил (предложения (г)):

- (5) а. На печке остывает нагретый суп;
 б. На печке остывает нагретое олово;
 в. На печке суп остывает нагретый;
 г. ? На печке олово остывает нагретое.
- (6) а. На печке нагревается остывший суп;
 б. На печке нагревается остывшее олово;
 в. На печке суп нагревается остывший;
 г. ? На печке олово нагревается остывшее.

Отсюда ясно, что у О.Э. Мандельштама вторая часть третьей строки тоже способна прочитываться как «ретроспективная», причем связать представление о песке с чем-то, что сказано в начальных двух с половиной строках стихотворения, достаточно трудно, так что и в данном случае инверсия отправляет **за пределы** въяве данного нам текста.

Что касается четвертой строки, «И вчерашнее солнце на черных носилках несут», то о ее коммуникативной структуре утверждать что-то определенное еще труднее. Во-первых, **вчерашнее солнце** допустимо воспринять как тему; тогда ремой оказывается фрагмент **на черных носилках несут**, и в таком случае каноническим был бы иной словопорядок: **несут на черных носилках**, – а следовательно, у О.Э. Мандельштама оборот **на черных носилках** фронтируется. Во-вторых, анализируемую конструкцию можно считать нерасчлененной, всецело рематической. Здесь немаркированной позицией **вчерашнего солнца** была

²⁵ G. Jaeger, op. cit.

бы финальная (**И на черных носилках несут вчерашнее солнце**) и оказывается, что в мандельштамовском тексте фронтированию подвергся уже этот рематический компонент.

Имеется в строке 4 и другая неоднозначность. Если раньше «левое смещение» рематического фрагмента было обусловлено его «предуготовленностью», то теперь интуитивно убедительными кажутся и такая же интерпретация, и другая, приписывающая соответствующему фрагменту, напротив, неожиданность и особую экспрессию.

Так или иначе, отметим, что, прими мы версию о связи между фронтированием рематического фрагмента и неким предваряющим возникновение обсуждаемой фразы знанием – источник этого знания явно должен лежать **вне данного текста**.

С подобным явлением мы встречаемся и во второй строфе.

В конструкции «Легче камень поднять, чем имя твое повторить» фрагменты **камень** и **имя твое** определенно рематические, каноническое же их место – после соответствующего глагола, а у О.Э. Мандельштама они ему предшествуют. И так же, как было в последнем рассмотренном случае, интуиция подсказывает, что отнести инверсию можно и на счет хорошей доступности данных представлений, и, наоборот, на счет авторского стремления подчеркнуть неожиданность их упоминания²⁶. При выборе первой интерпретации нас ждет маленький, но знаменательный сюрприз: хотя упоминание о **камне** собственно начальными пятью строками никак не подготовлено, с **именем твоим** дело обстоит иначе, ибо относится оно, по всей видимости, к адресату стихотворения, а присутствие адресата предопределяется просто особенностями лирического жанра, то есть имплицитно не обстоятельствами, так сказать, трансцендентными самому тексту, но его прямой, непосредственной реальностью.

* * *

Подведем некоторые итоги.

В открывающих стихотворение двух строках, во-первых, рема либо часть ремы перенесена из своей канонической позиции влево; во-вторых, связать перенос с того или иного рода преданностью соответствующего понятия практически необходимо; в-третьих, обеспечить последнюю эксплицитно явленный текст стихотворения не может, так что инверсия равносильна выходу в некий «пра-текст», более ранний виртуальный дискурс либо ту внеязыковую ситуацию, в которой стихотворение укоренено.

В третьей строке усматривать фронтирование ремы допустимо, но не обязательно; если же мы так поступим, то рема будет прочитываться как уже отчасти

²⁶ Кажется, что неканоническая препозиция существительного в обороте **имя твое** сама по себе сигнализирует о хорошей активированности референта и скорее делает предпочтительным первое осмысление.

предугадываемая, причем предугадываемая опять-таки из обстоятельств, в самом данном стихотворении не присутствующих.

В четвертой строке фронтирование ремы также видеть можно, однако к этому ничто не принуждает. Отличие от третьей строки в том, что, даже обнаружив тут фронтированную рему, мы имеем право, но ни в коем случае не обязанность считать ее предугадываемой – хотя при таком допущении обуславливающие ее высокую прагматическую доступность причины также должны лежать за границами стихотворения как такового.

В шестой строке ремы дважды инвертируются, но связь этой перестановки с их предугадываемостью, предуготованностью соответствующих понятий и тут сугубо факультативна. Если же ее предположить, то инверсия в начале строки б, так же, как бывало раньше, неизбежно обращает нас к чему-то, что внеположно тексту стихотворения, а инверсия в конце – к чему-то, именно самим существованием данного текста обусловленному.

Таким образом, в обсуждаемом плане развитие первой половины стихотворения подчиняется прозрачной закономерности. Сначала несомненная инверсия рематических компонентов требует мысленно выйти за его собственные пределы; затем инверсию, требующую такого выхода, усматривать допустимо, но не обязательно; затем и усматривать подобную инверсию только лишь допустимо, и даже если ее усматривать, то лишь допустимой, а не обязательной оказывается интерпретация, согласно которой рема требует мысленно «покинуть» данный текст; и, наконец, появляется инверсия ремы, относящая к представлению, самим текстом имплицированному и потому, когда оно становится, так сказать, «антецедентом» данной ремы, выходов за границы текста никоим образом не предполагающему.

* * *

Что же касается второй половины стихотворения, то в ней эта тенденция сохраняется и укрепляется.

В седьмой строке, «У меня остается одна забота на свете», судя по всему, инверсии нет, ибо фрагмент **на свете** скорее является частью ремы и служит тому, чтобы в определенном смысле усилить звучание предшествующего – и тоже рематического – **одна забота**: усилить приблизительно таким же образом, каким это сделало бы расширение слова **одна** до **одна-единственная**.

В восьмой строке, «Золотая забота, как времени бремя избыть», рематический объект **времени бремя** снова фротируется и фронтирование также очевидно сопряжено с его хорошей предсказуемостью²⁷. Более того, если во фрагменте

²⁷ Она, по-видимому, еще и дополнительно подчеркнута тем, что посессор и посессум тут называются в обратном общепринятому порядке. Такая инверсия тоже скорее всего указывает на хорошую прагматическую доступность представления о посессоре. Уместно вспомнить, что препозиция обладающего не адъективной формой посессора конвенционализировалась в случаях,

«...чем имя твое повторить» предсказуемость вынесенного влево рематического объекта определяется некими достаточно тривиальными, общими и априорно заданными свойствами лирического жанра, тяготеющими к относительной слабозаметности для нашего сознания, то здесь, в строке 8, объект **времени время** легко угадываем из тех **прямых указаний** на разрушительную «работу времени», которые ранее появились именно в данном отдельном тексте, в стихах 3-4, «Человек умирает. Песок остывает согретый, / И вчерашнее солнце на черных носилках несут», и которые **не появляются** в колоссальном числе иных лирических произведений, а потому обладают здесь предельной нетривиальностью.

Далее, в строке 10 каноническим был бы словопорядок **...роза была землею**. Фрагмент **землею** – рематический, а его смещение влево в мандельштамовском тексте (**...роза землею была**) происходит потому, что представление о земле уже заранее подсказано упоминанием **пахоты и плуга**, которое обнаруживается в начале той же фразы. Наконец, в строках 11-12 оборот в **двойные венки** рематичен, и немаркированным тут был бы словопорядок **...заплела в двойные венки**; порядок же **...в двойные венки заплела** разумно связать с тем обстоятельством, что и о розах – из которых часто плетут венки, – и о двойственности (ср. антиномическое **тяжесть и нежность**, а также многожды обсуждавшийся литературоведами аграмматизм, когда сказуемое при этих подлежащих стоит в единственном числе и тем как раз заставляет особенно остро ощутить их нетождество) уже велась речь прежде, причем велась **только что, в том же самом предложении**.

* * *

Как видим, на уровне своих фронтированных рем стихотворение прodelьывает последовательную и знаменательную эволюцию. Контекст, в котором подобные ремы должны осмысляться, сначала выходит или – там, где фронтирование ремы лишь гипотетично, – с непренебрежимой вероятностью мог бы выходить за пределы стихотворения; затем достаточным контекстом становятся обстоятельства, обусловленные жанровыми особенностями данного текста; затем – материал, в последнем наличный, но значительно отстоящий от самой смещенной влево ремы; наконец – материал, вплотную к ней приближенный.

Это значит, что в интересующем нас плане авторское сознание сперва предстает разомкнутым, открытым миру с его неисчислимыми, неконкретизированными возможностями, а затем все теснее и теснее замыкается само на себя, взыскуя для своей деятельности уже минимального из воображимых контекстов.

Если мы вспомним, что вообще порождающее речевые произведения сознание способно быть экстравертным и интровертным, то есть в первом случае обращенным к внешнему миру, а во втором – к миру внутреннему (к воспоми-

когда он называется местоимением, то есть в случаях, когда активированность его максимальна, – как, например, в оборотах **его плащ, ее отец** и т. п.

нениям, размышлениям, фантазиям и т. п.)²⁸, то описанное развитие мандельштамовского стихотворения приобретает новый смысл: перед нами движение от экстраверсии к интроверсии. Случайно ли оно?

Ни в коей мере. В лирике сосредоточенность авторского сознания на себе самом характерна прежде всего для фокусных фрагментов – тех, где совершается открытие главной истины²⁹. Поэтому и у О.Э. Мандельштама в «*Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы*» коммуникативная структура текста – по крайней мере в той своей части, которая касается фронтированных рематических элементов, – оказывается **средством, маркирующим его внутреннюю иерархизацию.**

3. Заключение

Из сказанного можно сделать как вполне очевидные, так и неожиданные выводы.

Наиболее очевидный заключается в том, что коммуникативная структура предложений может использоваться для того, чтобы просигнализировать разделение лирического текста на первый (фокусный) и второй (эмпирический) дискурсивные планы.

Как следствие, по крайней мере в отдельных лирических стихотворениях и по крайней мере в отдельных своих аспектах коммуникативная структура формируется на самостоятельном, очень высоком уровне, не совпадающем с теми, о каких в связи с последней обычно принято говорить, и относительно них скорее всего трансцендентном. Говоря языком Ролана Барта, это уровень собственно текста – как некой порождающей реальное произведение и, пока мы остаемся в его границах, труднодостижимой абстрактной структуры.

Тогда предметное, реальное содержание по крайней мере отдельных стихотворений по отношению к подобному «предзамыслу» вторично, от него – не вполне ясным образом – производно, и здесь открывается и особый разрез вообще свойственной поэзии а-денотативности, и хотя наверняка не полное, но приближающееся к научности объяснение той ошеломительно пронизательной мысли, которую высказал Николай С. Гумилев, когда, прочитав свеженанписанное стихотворение О.Э. Мандельштама, отозвался так: «Это хорошие стихи, Осип, но когда ты их кончишь, у тебя не останется ни одной строчки из тех, что сейчас»³⁰.

Несомненно, та важнейшая сторона человеческой природы, какую отражает лирическое творчество, суть ее трансцендентность, стремление перешагнуть за

²⁸ См. особенно: W. Chafe, *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Consciousness in Speaking and Writing*, Chicago 1994.

²⁹ G. Zeldowicz, *Extraverted Consciousness, Introverted Consciousness, and Composition of Lyrical Discourse*, „Linguistica Copernicana” 2016, № 13, s. 301-318; Г.М. Зельдович, *Дискурсивная перспектива в лирической поэзии: Опыт жанровой грамматики*, Warszawa 2021, с. 341-361.

³⁰ Н.Я. Мандельштам, *Воспоминания*, т. 1, Москва 1989, с. 186.

предписанные человеческим существованием или каким-то конкретным модулем, «жанром» этого существования пределы. Частной манифестацией такого стремления становятся попытки лирики из речи выйти в мир (квази-)жестов, то есть в мир, куда более бедный, лежащий определенно **ниже** последней³¹. Здесь же, в рассмотренном мандельштамовском стихотворении, совершается нечто обратное – систематическое укрепление связей между прямым содержанием текста и миром **более высоким**. Он так и остается непознанным и «несказуемым», но даже через его отблески – обозначает себя изначальная суть лирического произведения.

Наконец, вспомним, что в природе поэтического текста лежит также его самоотраженность, легче всего заметная в рифме, аллитерациях, строфическом членении, лексических и синтаксических повторах³². Несомненно, что в таком стремлении «самоотразиться» проявляет себя общее и фундаментальное свойство языка, Эрикой Гарсией охарактеризованное как его своеобразный уроборизм, уподобление себя змее, кусающей собственный хвост³³.

К данной теме наш материал также имеет прямое отношение. Когда коммуникативная структура используется, чтобы маркировать контраст эмпирического и трансцендентного в стихотворении, этим по-особому подчеркивается та аналогия, которая несомненно существует между таким контрастом и разделением предложения на тему и рему: в обоих случаях первое менее важно; в обоих случаях первое служит как бы когнитивной опорой, предпосылкой для второго; в обоих случаях при разворачивании сказанного первое прототипически предшествует второму³⁴; в обоих случаях второе тяготеет к краткости³⁵.

Отсюда видно, что понятие повторов в лирическом стихотворении на самом деле существенно шире, нежели это обычно предполагается, в частности, предполагается у Р. Якобсона, и что их исследование и таксономизация далеко еще не завершены.

³¹ Г.М. Зельдович, *О дискурсивных отношениях в лирической поэзии*, Вена 2016.

³² Р.О. Якобсон, *Лингвистика и поэтика*, [в:] *Структурализм: «за» и «против»*, Москва 1975, с. 193-230; Р.О. Якобсон, *Грамматический параллелизм и его русские аспекты*, [в:] *Структурализм: «за» и «против»*, Москва 1975, с. 99-132.

³³ E. García, *Linguística cartesiana o el método del discurso*, “Lenguaje en context” 1988, № 1, s. 5-36.

³⁴ Разумеется, считаем прототипическим предложением предложение утвердительное.

³⁵ Как хорошо известно, главная рема утвердительного предложения сосредоточивает в себе ту информацию, которая способна стать полноправным предметом спора, а спор тем продуктивнее, чем этот предмет более определен. Что касается лирического фокуса, то он по крайней мере прототипически связан с постижением некоей важной истины, а последнее по природе моментально.

References

- Ariel M., *Referring and Accessibility*, "Journal of Linguistics" 1988, vol. 24.
- Ariel M., *Accessibility Marking: Discourse Functions, Discourse Profiles, and Processing Cues*, "Discourse Processes" 2004, vol. 37, № 2.
- Asher N., Lascarides A., *Logics of Conversation*, Cambridge 2003.
- Chafe W., *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Consciousness in Speaking and Writing*, Chicago 1994.
- Ducrot O., *Dire et ne pas dire*, Paris 1972.
- Ducrot O., *Les échelles argumentatives*, Paris 1980.
- Dyakonova M., *A Phase-Based Approach to Russian Free Word Order*, Utrecht 2009.
- Erteschik-Shir N., *Information Structure*, Oxford 2007.
- Fleischman S., *Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction*, Austin 1990.
- García E., *Linguística cartesiana o el método del discurso*, "Lenguaje en context" 1988, № 1.
- Hopper P., *Aspect and foregrounding in discourse*, [in:] *Discourse and Syntax. Syntax and Semantics*, ed. by T. Givón, vol. 12, New York, etc. 1979.
- Hopper P., Thompson S., *Transitivity in Grammar and Discourse*, "Language" 1980, vol. 56, № 2.
- Jaeger G., *Topic-Comment Structure and the Contrast between Stage Level and Individual Level Predicates*, "Journal of Semantics" 2001, vol. 18.
- Jakobson R.O., *Lingvistika i poetika*, [v:] *Strukturalizm: «za» i «protiv»*, Moskva 1975.
- Jakobson R.O., *Grammaticheskij parallelizm i ego russskiye aspekty*, [v:] *Strukturalizm: «za» i «protiv»*, Moskva 1975.
- Jakobson R.O., *Voprosy poetiki. Postskriptum k odnoimennoy knige*, [v:] Jakobson R.O., *Raboty po poetike*, Moskva 1987.
- Jakobson R.O., Levi-Strauss C., *«Koshki» Sharlya Bodlera*, [v:] *Strukturalizm: «za» i «protiv»*, Moskva 1975.
- Jasinskaja E., *Pragmatics and Prosody of Implicit Discourse Relations*. Dissertation, Tübingen 2009.
- Levin Yu.I., *Izbrannyye trudy*, Moskva 1998.
- Longacre R., *The Grammar of Discourse*, New York 1992.
- Mandel'shtam N.Ya., *Vospominaniya*, t. 1, Moskva 1989.
- Mandel'shtam O.E., *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v trekh tomakh*, t. 1. *Stikhotvoreniya*, Moskva 2009.
- Paducheva E.V., *Kommunikativnaya struktura i lineyno-aktsentnyye preobrazovaniya predlozheniya (na materiale russkogo yazyka)*, [v:] *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh. Sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov*, Moskva 2016.
- Sil'man T.I., *Zametki o lirike*, Leningrad 1977.
- Studies in Transitivity. Syntax and Semantics*, ed. by P. Hopper, S. Thompson, vol. 15, New York, etc. 1982.
- Tsimmerling A.V., *Lineyno-aktsentnaya grammatika i kommunikativno-neraschlenennyye predlozheniya v russkom yazyke*, [v:] *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh. Sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov*, Moskva 2016.
- Tsimmerling A.V., *Ot integral'nogo k aspektivnomu*, Moskva – Sankt-Peterburg 2021.
- Vallduví E., *The Informational Component*, New York, London 1992.

- Yokoyama O., *Kognitivnaya model' diskursa i russkiy porjadok slov*, Moskva 2005.
- Zeldowicz G., *Extraverted Consciousness, Introverted Consciousness, and Composition of Lyrical Discourse*, „Linguistica Copernicana” 2016, № 13.
- Zeldowicz, G.M., *O diskursivnykh otnosheniyakh v liricheskoy poezii*, Vena 2016.
- Zeldowicz G.M., *Slovoporyadok i kompozitsiya liricheskogo teksta*, „Slavia Orientalis” 2019, t. LXVIII, № 2.
- Zeldowicz G.M., *Diskursivnaya perspektiva v liricheskoy poezii: Opyt zhanrovoy grammatiki*, Warszawa 2021.

INFORMACJE O AUTORZE

Gennadij Zeldowicz – profesor, doktor habilitowany, kierownik Zakładu Semiotyki Instytutu Lingwistyki Stosowanej, Wydział Lingwistyki Stosowanej, Uniwersytet Warszawski. **Najważniejsze publikacje: monografie:** *Русские временные квантификаторы*, Wien 1998. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 46), 190 ss.; *Русский вид: семантика и прагматика*, Toruń 2002, 208 ss.; *Русское предикативное имя*, Toruń 2005, 186 ss.; *Прагматика грамматики*, Москва 2012, 643 ss.; *Дискурсивная перспектива в лирической поэзии*, Warszawa, Wydawnictwa UW 2021, 787 ss.

ORCID: 0000-0003-4437-2802

Email: g.zeldovych@uw.edu.pl